

А. Ю. Желтов

ИЗУЧЕНИЕ АФРИКИ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР, ИЛИ АФРИКАНИСТИКА НЕ ТОЛЬКО ПРО АФРИКУ

АННОТАЦИЯ. Статья рассматривает проблемы формулирования «объективных истин» в гуманитарной науке и роль изучения Африки для понимания актуальных проблем России и современного мира. Объясняются причины сложности формулирования «гуманитарных» истин, а также рассматривается специфика развития российской африканистики. Делается попытка сформулировать обоснование необходимости изучения Африки в современной России и применить анализ африканского материала для понимания некоторых острых проблем России и мира. Среди предложенных африканистикой идей и понятий выделяются понятия «стадиальной гетерогенности», многомерности анализа социальных явлений, дихотомия культурного и социального. На этой основе анализируются проблемы политической организации в Африке, России и Европе, предлагаются рекомендации по решению проблем культурной идентификации в социальной среде, рассматриваются современные гуманитарные «конструкты». Все эти явления анализируются в контексте серьезных глобализационных процессов, прежде всего принципиальных революционных изменений в скорости информационных потоков. Также ставится вопрос о неэффективности военно-политического контроля над территорией и долгосрочной перспективности помощи и сотрудничества (на примере советской политики в Африке и Восточной Европе). Рассматриваются и некоторые актуальные для современного политического дискурса концепты, в результате анализа которых демонстрируется их несочетаемость друг с другом и внутренняя противоречивость.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: истина, гуманитарные науки, африканистика, современный мир

УДК 008.2

DOI 10.31250/2618-8619-2018-1-29-39

ЖЕЛТОВ АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ — д.филол.н., заведующий отделом этнографии Африки, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН; заведующий кафедрой африканистики, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург)
E-mail: ajujeltov@mail.ru

Истина существует, и целью науки является ее поиск
(Из выступления А. А. Зализняка при вручении премии
имени А. И. Солженицына) (Зализняк 2007)

I

2017 г. оказался печальным для российской науки — из жизни ушли два выдающихся лингвиста — В. В. Иванов и А. А. Зализняк, значение идей и работ которых существенно выходит за рамки лингвистики и распространяется на гуманитарные науки в целом. Это объясняется и широтой их научной проблематики, и интересом к формулированию методологических принципов науки, и смелостью в привлечении внимания к существующим проблемам окружающего нас мира. Динамика происходящих вокруг общественных процессов, вызванная, очевидно, произошедшей третьей информационной революцией¹ и приводящая к сложности формулирования устойчивых научных концепций, создает некоторую атмосферу постмодернистской реляционности. Поэтому, казалось бы, совершенно очевидная мысль А. А. Зализняка, вынесенная в эпиграф, превращается в современном мире из очевидного высказывания в далеко не всеми признаваемую идею. Подобная реляционность вызвана (помимо других причин) огромным объемом накопленной и доступной информации и объективной сложностью многих проблем, стоящих перед наукой и обществом. При этом для всех работающих в рамках научной парадигмы (при всех сложностях ее определения) очевиден и другой постулат А. А. Зализняка из того же выступления: «В любом обсуждаемом вопросе профессионал (если он действительно профессионал, а не просто носитель казенных титулов) в нормальном случае более прав, чем дилетант» (Зализняк 2007).

II

Все это заставляет задуматься, что именно профессиональная наука предлагает обществу в качестве истин, оспаривание которых говорит о необразованности субъекта оспаривания, а что остается открытым для обсуждения. В естественных и точных науках набор подобных истин достаточно широк: дважды два — четыре, сумма квадратов катетов равняется квадрату гипотенузы, сила тяжести равняется массе, умноженной на ускорение свободного падения, и т. д. Очевидно, что специалисты в области естественных и точных наук (к которым автор данного текста, к сожалению, не относится) могут дополнить этот список как более сложными и концептуальными «истинами», так и списком серьезных проблем, по которым дискуссия не закончена. Однако важно, что существует длинный список научных достижений, отрицание которых не только выводит обсуждение за пределы науки, но и принципиально не подвергается сомнению в любом обыденном дискурсе.

III

Гораздо сложнее формулирование «истины» в гуманитарных науках. Причины этого понятны: все, что имеет отношение к человеку, гораздо труднее поддается дискретизации, часто зависит от субъективной оценки, взглядов и интересов исследователя, непосредственно затрагивает социаль-

¹ Интернет и другие современные средства связи практически уничтожили пространственные ограничения в передаче информации, как возникновение письменности ранее преодолело временные ограничения, а еще ранее возникновение языка было качественным скачком в скорости и объеме передачи информации по сравнению с биологическими формами такой передачи.

ные интересы и культурные идентификации и ученого, и его аудитории и, следовательно, очень легко переводится из сферы науки в пропаганду или, в лучшем случае, публицистическую риторику. Граница между научными и политико-идеологическими взглядами самого исследователя в гуманитарной области весьма зыбка.² Особенно отчетливо превращение всей гуманитарной науки в пропагандистский дискурс было заметно в советскую эпоху, причем результат этого мы продолжаем ощущать до сих пор: отношение ко всему гуманитарному как пропаганде или публицистике приводит к утрате ориентиров не только в спорных вопросах, к ощущению возможности существования любых взглядов и неразличению научных взглядов и дилетантизма, часто идеологически окрашенного. Даже наиболее точные из гуманитарных наук — лингвистика и экономика — оказались подвержены подобным процессам: «Новое учение о языке» Н. Я. Марра (2001) справедливо критикуется за прямолинейное соотнесение марксистских общественных формаций и стадий развития языка, представленных определенными языковыми типами, при этом для постулирования подобных взглядов их сторонникам пришлось проигнорировать весьма серьезные уже к тому времени достижения сравнительно-исторического языкознания. Все же, пожалуй, в лингвистике и экономике (в экономике автор менее уверен из-за значительно худшего с ней знакомства, чем с лингвистикой), по крайней мере в профессиональных кругах, сегодня существует серьезный объем накопленных знаний, игнорировать которые, оставаясь в профессиональном поле, нельзя. При этом серьезную проблему составляет разрыв между наукой и медийным дискурсом, отражающим крайне низкий уровень «фонового» знания у людей. Автору данного текста пришлось много раз объяснять самым разным журналистам, что появившаяся в интернете «фэйковая» информация («шутка») об обнаружении автором в ходе экспедиции по Восточной Африке «русскоговорящего племени людоедов» является фальшивкой, причем с очень нехорошим оттенком: в ней африканцы совершенно незаслуженно связываются со столь отвратительным явлением, как каннибализм, что в данном случае мы имеем дело вовсе не с «шуткой», а с откровенно безграмотной и совсем не безвредной ложью. Особенно неприятно, что уровень знания об Африке и языках в нашем обществе столь низок, что некоторые представители средств массовой информации (люди с высшим образованием) были искренне удивлены и разочарованы, что очередная «сенсация» оказалась пустой фальшивкой.

Еще печальнее ситуация в «общественных» науках. Весь медийный эфир заполнен представителями различных институций со словами «геополитический», «стратегический» и «национальный» в названиях, что создает иллюзию наукообразия, но от науки очень далеко. При этом отсутствие научных ориентиров затрагивает не только медийное пространство, но и профессиональную среду историков и особенно специалистов «по современности», и, что крайне опасно, пропагандистские субъективные замены научных фактов и дискуссий начали попадать в область законодательства (причем не только в России). Собственно, данные печальные обстоятельства и заставили автора обратиться не к лингвистическим проблемам (в которых автор ощущает себя более компетентным), а к дискуссионным точкам общественной проблематики, где научный профессионализм автора менее очевиден. Однако большая острота проблем именно в этой сфере, а также комплексное африканистическое образование автора, опора на идеи своих учителей-африканистов (Д. А. Ольдерогге, В. М. Мисюгин и, особенно, Н. М. Гиренко) и африканский материал, с которым автор ознакомился в процессе работы, в том числе и полевой, очевидный недостаток научных «истин» в общественном дискурсе по этой тематике оставляют автору надежду на соответствие текста статьи на-

² Автор отдает себе отчет о «зыбкости» подобной границы и в данном тексте.

учному стилю дискуссии при очевидной и специально выбранной «публицистичности» большинства обсуждаемых проблем.

IV

Изучение Африки в советское время отличалось рядом преимуществ по сравнению с другими гуманитарными областями — классики марксизма-ленинизма практически ничего про Африку не писали. Если не заниматься «рабочим движением» или «строительством социализма» в Африке (а ленинградская африканистика, в основном, избегала подобных тем), то оставалась очень большая свобода для научной мысли, особенно если принять во внимание очевидную специфику африканского материала. Представляется, что именно это позволило ленинградским африканистам сформулировать ряд научных положений, которые не только сделали их подготовленными к идеологическим потрясениям периода перестройки,³ но и приблизили их к формулированию идей, претендующих на «гуманитарную истинность». Автор больше знаком и в большей степени опирался на работы и идеи Н. М. Гиренко, но был знаком со всеми африканистами старшего поколения или учился у них. Многие взгляды Гиренко возникали из творческой дискуссионной среды ленинградской африканистики, в значительной степени концентрирующейся в Кунсткамере. Именно в этой среде возникли идеи о многомерности научного анализа и мышления, понятие стадияльной гетерогенности и биосоциальных систем, дихотомия культурного и социального, понятие «этнуса как трагического мифа XX века» [впрочем, и XXI века, к сожалению, тоже. — А. Ж.]. Выборочная библиография работ Н. М. Гиренко по этим проблемам представлена в (Желтов 2011). Подробный анализ идей ленинградской африканистики не может быть представлен в рамках данного текста, но следует заметить, что не только африканисты Кунсткамеры создавали творческую научную атмосферу поиска истины и оказались крайне востребованными в общественной жизни конца 1980-х — начала 1990-х гг., но и многие коллеги из других отделов. Одна из задач этого текста — стимулировать коллег (и самого автора тоже) к большему влиянию на формирование не только научного дискурса, но и включение этого дискурса в область «истин» массового фонового знания — сейчас эта область в сфере гуманитарного знания от научного дискурса очень далека и с «помощью» телевидения все больше отдаляется.

V

Мы опять переживаем время очевидной социально-политической и идеологической турбулентности. В этой связи в очередной раз достаточно остро встает вопрос, зачем в принципе нужно изучать далекий африканский континент в современной России. Чем сейчас африканистика может помочь при обсуждении самых острых проблем современного мира? Естественный для самих ученых (и честных абитуриентов-первокурсников) ответ, что наличие объекта изучения (более 50 государств, 2 000 языков и т. д.) само по себе предполагает наличие интереса, вряд ли может удовлетворить «внешних» экспертов. Прагматичный тезис о большом количестве природных ресурсов в Африке, в освоении которых Россия могла бы принять участие (частотный ответ на официальном уровне), весьма популярен, но, по моему мнению, катастрофически обедняет и упрощает содержа-

³ Это выражалось, в частности, в очень высокой политической активности африканистов в этот период — четверо были кандидатами в депутаты разных уровней, а двое стали депутатами Ленсовета на первых свободных выборах 1991 г. при активном участии многих их коллег в качестве доверенных лиц и групп поддержки.

ние африканистики. Собственно, основное содержание африканистики как раз и находится между абстрактным «интересом» и прагматичным использованием ресурсов.

В обозначенном пространстве можно выделить как минимум три важных аспекта: 1) необходимость наличия в любом современном социуме некоторой критической массы людей с многомерным («мультикультурным») мышлением, для которого изучение Африки предоставляет исключительно важный стимул; 2) сложность понимания многих современных процессов в России и мире без обращения к «стадиально-гетерогенному» материалу Африки; 3) важность и актуальность решения многочисленных острых проблем Африки не только для нее самой, но и для всего глобализованного мирового пространства. Многие из идей ленинградской африканистики оказываются действенными именно в этом пространстве и помогают выработать научный взгляд на актуальные современные проблемы.

Приведу пример практической ущербности игнорирования многомерности сложных явлений политической системы с опорой на сравнительный анализ партийных систем в Африке и постсоветских государствах. И в том, и в другом случае пытались строить политическую систему по западной модели — альтернативная советская модель себя дискредитировала. На выходе почему-то получались варианты в форме фактической однопартийности, этнизации/регионализации политической системы, зависимости от внешних сил. В Африке однопартийность с «мягким» авторитаризмом — Танзания при Дж. Ньерере или Уганда с «жестким» авторитаризмом Иди Амина. В постсоветском пространстве — несменяемая власть Лукашенко в Белоруссии или Назарбаева в Казахстане (при формальном соблюдении выборных процедур). В Африке — политическая система Кении, с сильным влиянием этнического компонента (кикуйю/луо) или основанная на регионально-религиозном делении — в Нигерии (север/юг), с параллелями в Киргизии и Таджикистане (борьба региональных кланов). Долгая борьба в Анголе между МПЛА (поддержанной СССР) и УНИТА (поддержанной США) — бывшими союзниками в борьбе с колониализмом. Похожие процессы в современной Украине — противостояние сил, ориентированных на Россию или на Европу, или в Молдавии (Приднестровье).

В чем же проблема неудачного копирования, что не работает? Ответ на эти вопросы оказывается актуальным и для понимания политической системы в России, где система, аналогичная западной, создавалась вполне целенаправленно. Выход за рамки одного измерения анализа современной политической системы позволяет понять причины неспособности ни одного из проектов создания двух центристских партий (чуть «правее» — «Наш дом — Россия», «Единая Россия», чуть «левее» — партия Рыбкина, «Справедливая Россия») соответствовать нормальному функционированию многопартийного гражданского общества. При схожести, на первый взгляд, с моделями типа «консерваторы»/«лейбористы», «республиканцы»/«демократы», «христианские демократы»/«социал-демократы» (соответственно, в Великобритании, США и Германии),⁴ существует принципиальное отличие от российской партийной системы. Большинство политических партий (и большинство населения) в западных демократиях признает первичность личности над государством, государственная власть десакрализована со времен Просвещения и буржуазных революций. Для всех парламентских партий в России государство (иногда в версии — страна, народ, или совсем романтической версии — Родина) первично по отношению к личности. «Игра» в «левые»/«правые», работающая в Европе, США, Японии, у нас не удастся — в ней не задействована важнейшая система

⁴ При упрощенном содержательном отличии: больше экономической свободы, более динамичная экономика — у первых, большие социальные гарантии, меньшая социальная напряженность — у вторых (при регулярной сменяемости как гарантии соблюдения баланса интересов).

координат: «первичность личности»/«первичность государства». Какой бы эпитет мы ни использовали (Родина, страна, государство), реальность состоит в том, что то, что постулируется как интересы «Родины» (национальные/государственные интересы), не может быть ничем иным, кроме как интересами находящейся в данный момент у власти элиты.

При подобном подходе вместо исполнения роли наемного менеджера, обеспечивающего мирное урегулирование прав и интересов личностей и групп (а подобные интересы не могут быть одинаково «государственными»), государственные чиновники разного ранга претендуют на формулирование «национальных интересов», совпадающих, естественно, с их собственными интересами и взглядами на окружающий мир. Для тех, кто экспортирует нефть, падение курса рубля выгодно, а для тех, кто покупает производимые за рубежом лекарства и продукты, — нет. Находящаяся у власти элита начинает отождествлять себя со «страной» и естественно воспринимает нормальную политическую борьбу с собой как антигосударственную, а следовательно, о сменяемости власти, принципиальной для баланса интересов, речь идти не может. Конкуренция и сменяемость заменяются призывами к единству, т. е. к безусловной поддержке находящейся у власти элиты. В подобном контексте борьба «левых» с «правыми» бессмысленна и любая находящаяся у власти партия немедленно превращается в подобие КПСС.

Африканский материал, часто более отчетливый и менее субъективированный для исследователя, позволяет более структурированно увидеть российские явления как бы «со стороны». В традиции ленинградской-петербургской африканистики всегда важным был принцип изучения Африки не только как отдельного объекта, но как своеобразной модели традиционного общества, в которой можно увидеть и понять многие механизмы, существенно менее заметные в российских, например, реалиях, но продолжающие функционировать в синхронных системных срезах нашего общества. То, что в Африке может функционировать как доминирующий элемент «стадиальной гетерогенности» социума или культуры, в России может уходить в ее рудиментарные составляющие, которые, однако, продолжают влиять на их синхронное функционирование. Изучение «более яркого» африканского материала часто позволяет увидеть и понять эти рудиментарные составляющие. Само понятие «стадиальной гетерогенности», возможно, возникло у Н. М. Гиренко на основании изучения специфики колониального общества в Восточной Африке (Гиренко 1974). Термин «стадиальная гетерогенность», введенный и разработанный им (см., напр.: Гиренко 1999), является ключевым понятием в теории общественного развития, занимающим важное место в системе научных взглядов Н. М. Гиренко. Несмотря на пугающую студентов наукообразность, за ним стоит достаточно простой и логичный принцип: каждый конкретный синхронный момент развития социума представляет собой систему элементов и подсистем, некоторые из которых являются рудиментарными (доминирующими на предшествовавших этапах развития), некоторые — доминирующими в данный период, а остальные — зарождающимися элементами последующих этапов развития, но принципиальным является их общая вовлеченность в синхронные системные связи. Подобный подход позволяет, оставаясь в рамках термина «эволюция» («развитие»), избежать справедливо критикуемой противниками эволюционных схем развития дискретной сменяемости этапов.

Там, где существует человеческое общество, существуют и проблемы, правда, стадиально разного характера. Обещанный Фрэнсисом Фукуямой «конец истории» не наступил и в «западном» мире: возникшая сбалансированная система функционирования социума оказалась под серьезным давлением новых факторов. Объективная глобализация и единое информационное пространство привели к ситуации, когда для сохранения социального равновесия и приверженности гуманитарным ценностям «делиться» надо не только со «своими» «бедными» и «незащищенными» (к чему

ко второй половине XX в., не без влияния российских социальных катаклизмов, западные общества привыкли), но и с потоком мигрантов — представителями других культурных традиций и выходцев из других государств. Это создает совершенно новые «вызовы», результатом которых является успех Трампа, относительный успех Мари Ле Пен, Brexit, отражающих появление нового социально-политического измерения, все более выходящего на первый план, — оппозиции, воспринимающей себя как часть общего мирового пространства и более тесно привязанной к национальным границам и культурным традициям (при этом и предыдущие оппозиции никуда не исчезают — стадийная гетерогенность Н. М. Гиренко (1999). Реакция на это во всем мире — агрессивный радикализм, изоляционизм, национализм, крайне левый и правый популизм, «убедительное объяснение, почему мы должны жить хуже, чем соседи, и гордиться этим».

Россия оказывается в этом смысле в очень сложном положении: при нерешенности предыдущей стадийной проблемы — десакрализации государственной власти — мы оказываемся вовлеченными и в стадийно следующую проблемную оппозицию — часть общего мира или «суверенитет». А проблемы многих африканских стран представляются еще более гетерогенными: к выше обозначенным проблемам добавляется недостаток ресурсов и институтов для воспроизводства и развития, искусственность границ при неравномерном развитии регионов и культурном разнообразии, не завершенность этапа экономической модернизации и т. д. И еще раз подчеркнем: проблемы Африки, как и других регионов, в современном мире становятся общими проблемами. Причем не только из-за становящихся все более массовыми миграционными потоками — в современном мире третьей информационной революции игнорирование проблем «соседей по планете» оказывает разрушительное воздействие и на менее проблемные и стабильные общества.⁵ При этом оказание помощи само по себе очень не простой вопрос: ни вливание финансовых средств через государственные (часто коррумпированные или неэффективные) институты, ни поставки продовольствия не решают проблемы системно. Одна из задач африканистики как раз сформулировать эффективные способы выравнивания социально-экономической ситуации в проблемных регионах.

Не менее отчетливую практическую значимость имеет, казалось бы, сугубо теоретическое разведение социального и культурного в общественных явлениях. Существует ряд вопросов, активно обсуждаемых в стране и мире, ответ на которые в научной плоскости может быть вполне однозначным («истина»). Можно (нужно) ли указывать национальность в паспорте (не так давно этот вопрос был снова поднят на одном из каналов ТВ)? Можно ли носить хиджаб в школе? Можно ли живущим в Италии сикхам (обязательное ношение чалмы) ездить на мопедах без шлемов, когда самих итальянцев за это штрафуют?⁶

Постараемся кратко, но однозначно, ответить на эти вопросы. Паспорт, очевидно, документ социально-политической (государственной) идентификации, а указание национальности — идентификация культурная (здесь мы даже проигнорируем ситуативный характер такой идентификации, хотя примордиалистский взгляд на этнос очевидно уступает место конструктивистскому, правда, к сожалению, только в научном, но не в обыденном дискурсе).⁷ Каковы последствия указа-

⁵ По данным Всемирной продовольственной программы, из 16 стран с наибольшими затратами на обеспечение дневного рациона в соотношении с доходами 11 — африканские.

⁶ Этот вопрос был достаточно остро поставлен знакомым итальянцем, живущим в городке, где большая сикхская община.

⁷ Африканский материал дает очень отчетливый пример «плавающего» характера культурной идентификации, к которой, очевидно, относится понятие «этнос». Представитель этнической группы ньонг (провинция Адамауа, Восточная Нигерия) в своей деревне будет скорее ощущать себя не «ньонгом», а представителем одного из кланов, в столице провинции — Йоле — на первый план выйдет идентификация «ньонг», в Лондоне он будет ощущать себя нигерийцем, а его дети (если там родились и выросли — англичанами), в России, где африканцев гораздо меньше, возможна культурная идентификация «африканец». Что из этих культурных идентификаций должно называться этносом, имеет ответ только при привязке этноса к родному языку, но известно, что язык — важный, но не абсолютный показатель этнической принадлежности (см., напр.: Ольдерогге 1983).

ния культурной идентификации в документе идентификации государственной (социально-политической)? Ответов может быть три: никаких последствий (тогда зачем?), протекционизм и дискриминация (очевидно, явления негативные). Следовательно, поднимать об этом вопрос означает противоречить «истине». И это должно быть очевидно обществу примерно как «дважды два — четыре».

Перейдем к вопросу о хиджабе в школе. Лично мне не нравится публичная декларация религиозной принадлежности (любой), но, оставаясь в научном поле, я должен задать вопрос — можно ли ограничивать доступ к социальным институтам (школа) на основании культурной (религиозной) идентификации. Отрицательный ответ, по-моему, очевиден. Однако, в случае с одеждой, полностью закрывающей лицо (никаб), ответ будет иным — культурная идентификация не должна вторгаться в область социальных норм (идентификация личности в публичном (социальном) пространстве), которые не должны зависеть от культурных идентификаций и традиций.

В этой же плоскости находится ответ на третий вопрос — при всей симпатии к сикхам в Италии и их культурному своеобразию социальные нормы (правила дорожного движения) не могут быть разными для представителей разных культурных традиций. Либо всем можно без шлемов, либо всем нельзя, либо надо придумать специальные шлемы для сикхов — в ином случае я вынужден признать претензии итальянского знакомого справедливыми.

VI

Еще один аспект, на котором представляется важным остановиться, — это серьезное отставание терминологического и аналитического инвентаря гуманитарных наук от реалий современного мира и даже некоторый регресс в этой области, наблюдаемый в последние годы. По крайней мере, в российском политическом и обществоведческом дискурсе такие термины, как «толерантность», «либерализм», «общечеловеческие ценности», «глобализация», приобрели отрицательный и часто высмеиваемый смысл («толераст», «либераст» и т. д.). На смену этим понятиям пришли популярные «национальные интересы», «национальные идеи», «геополитика», «суверенная демократия», «скрепы» и т. д., сопровождаемые популярными цитатами из совершенно других исторических реалий прошлых веков, воспринимаемые как аксиомы и руководство к действию: «хочешь мира — готовься к войне», «у России два союзника — армия и флот», «не хочешь кормить свою армию, будешь кормить чужую». Подобная тенденция противоречит объективным тенденциям развития общества (третья информационная революция уже привела к в значительной степени глобализированному социальному, экономическому и информационному пространству) и приводит к крайне опасному конфликту современных военных и технических средств и давно устаревшей парадигмы гуманитарного осмысления человеческого общества.

За этим процессом стоит неправильная интерпретация одних терминов и принципиальная «нетерминологичность» других. Толерантность — это не терпимость ко всему, это лояльное отношение к культурному разнообразию, что вовсе не предполагает терпимость к нарушению социальных норм или моральных императивов. Либерализм — это признание первичности прав личности перед государством, а не абсолютная свобода рынка (есть «правый» и «левый» либерализм, собственно, в конкуренции между ними и формировались современные политические системы в «либеральных» государствах). Глобализация — это не навязывание интересов «сильных» государств остальным, а объективный процесс расширения социально-политического пространства под влиянием общего информационного пространства. Собственно, и становление так называемых «нацио-

нальных государств» было определенной «глобализацией», но только меньшего масштаба и в другую эпоху. Сейчас это тенденция, когда как «своего», а не «чужого» житель Германии воспринимает и француза, и испанца (а в будущем также должны восприниматься и индийцы, и африканцы и т. д.), а при становлении национального государства баварцы стали воспринимать как «своих» не только ближайших соседей, но и саксонцев, тюрингцев и т. д.

Общечеловеческие ценности сформулировать, конечно, очень трудно — мир все еще весьма гетерогенен и социально, и культурно, но универсальный характер «правил игры» ведь и есть то самое отсутствие «двойных стандартов», которые вызывают справедливое неприятие. Когда сейчас все это заменяется конструктами со словом «национальный» неизбежно возникает вопрос о терминологическом содержании этого слова: это «нация» из сталинской триады «племя-народность-нация», западная “nation”, как совокупность жителей одного государства, «этнос» (тогда в конструктивистском или примордиалистском понимании)? Причем при любой трактовке и «интересы», и «идеи» не могут локализовываться подобным образом. Фразы типа «не хочешь кормить свою армию — будешь кормить чужую» аксиоматичны только на первый взгляд: повышение военных расходов на свою армию, например, в Пакистане («кормить свою армию») тут же вызовет повышение расходов на оборону в Индии («кормить чужую»), то же самое — между Россией и США. Поэтому реальный выбор: «кормить и свою, и чужую» и «готовиться к войне» или все же искать союзников во всех странах, а не только в своих «армии и флоте», понимая, что «интересы» есть разные — личные, групповые, социальные, общечеловеческие и просто «другие» — а не только «национальные». Учитывать надо все, а о балансе договариваться. А кормить при этом можно детей, пенсионеров, страдающих от голода в других странах и немущих в своей.

То, что называется геополитическими интересами, часто оказывается просчитыванием недостаточного количества измерений. На одной из конференций возникла дискуссия об эффективности советской внешней политики в Африке и Восточной Европе. На первый взгляд политика в Восточной Европе с практически полным контролем над странами региона была гораздо эффективнее «альтруистической» помощи странам Африки без особых экономических выгод. К этому выводу, к сожалению, склоняются многие. Но прошло время, и мы можем сравнить отношение к нам в Восточной Европе и в Африке. В Африке на нас не «висит» шлейф колониализма, эксплуатации или оккупации. В Африке мы наблюдаем большое число бывших выпускников наших вузов, с симпатией относящихся к нашей стране, а Восточная Европа пытается максимально дистанцироваться от нас и в политическом, и в экономическом отношении. «Альтруизм» и «хорошее отношение» являются более прагматичными в долгосрочной перспективе, чем полный военный и политический контроль. После распада колониальной системы стало особенно понятно, что силовой контроль над чужой территорией не эффективен и приносит больше вреда, а «неэффективная» помощь другим государствам (типа советской помощи Африке или плана Маршалла в послевоенной Европе) имеет долгосрочные «выгоды».

VII

Серьезные проблемы с гуманитарными понятиями существуют не только в российском, но и общемировом контексте, что еще более обостряет проблему. Мировой политический дискурс оперирует, на первый взгляд, сугубо позитивными концептами: право нации на самоопределение, неизменность существующих границ, государственный суверенитет и невмешательство в дела других государств, международные гарантии прав человека. Однако очевидно, что право на само-

определение принципиально не осуществимо при сохранении границ, а суверенитет и невмешательство не сочетаются с международными гарантиями прав человека. При этом и по отдельности все эти принципы весьма спорны: границы менялись на протяжении всей истории и многие существующие границы сложились в результате не самого справедливого процесса; что мы понимаем под «нацией», которая имеет право на самоопределение, кто может быть субъектом этого процесса — существующие территориальные образования, этнические группы; позитивной ли была политика «невмешательства» во время геноцида в Руанде 1994 г. (900 000 погибших за 3 месяца); кто имеет право и при каких условиях защищать права в других государствах; что считать «агрессией», кому и как на нее реагировать. Представляется, что гармонизация существующей конфликтности и «нетерминологичности» международных норм становится крайне актуальной задачей для гуманитарной науки, и крайне желательно, чтобы этим занимались ученые: многие политики, к сожалению, слишком привязаны к своим представлениям о «национальных интересах», а это совсем не то, что способствует формулированию компромиссных решений. Причем в значительной степени данные вопросы относятся к проблематике этнографии, культурной и социальной антропологии.

В заключение хотелось бы привести цитату из докладной записки Российского Императорского Министра-резидента в Абиссинии К. Н. Лишина от 12 июня 1902 г. по поводу возможности опеки российского правительства над организованным там российским искателем приключений отставным гвардии поручиком Н. С. Леонтьевым коммерческим обществом, законность деятельности которого была весьма сомнительной: «Эксплуатация нами богатств Экваториальных провинций без законного на это права могла бы иметь некоторый материальный успех, но нанесла бы страшный удар нашему моральному воздействию на Абиссинию. Кроме того, Императорское правительство, руководимое принципами законности и справедливости, не может допустить нарушения этих принципов Обществом, находящимся под его покровительством» (Россия и Африка... 1999: 229). Я бы включил эту цитату в учебники, как по африканистике, так и по дипломатии.

Возможно сформулированные выше и «спровоцированные», в частности, африканским материалом «истины» таковыми не являются, и совершенно точно, что их аргументация требует более развернутого текста, чем возможный объем этой статьи, но игнорировать приведенные факты и их анализ или заменять их на широко распространенный дискурс про «скрепы», «геополитику» и «национальные интересы» вряд ли более научно и практически целесообразно. Очень хотелось бы, чтобы «гуманитарные истины» формулировались бы и вводились в область «фонового» знания населения нашей страны при активном участии ученых Кунсткамеры. Очень многое из обсуждаемого напрямую затрагивает базовые проблемы этнографии и смежных дисциплин. По-моему, критическое время для этого опять настало.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Гиренко Н. М. Принцип стадийной гетерогенности в обществе и закон Геккеля // Вопросы этнической семиотики: Забытые системы письма. СПб.: Наука, 1999. С. 179–185.

Гиренко Н. М. Колониальный режим и традиционные социальные институты (на примере Танзании) // Советская этнография. 1974. № 1. С. 50–69.

Желтов А. Ю. Африканистика, гуманитарные науки и научная парадигма Н. М. Гиренко // Антропологический форум. 2011. № 14 (онлайн). С. 284–294.

Зализняк А. А. Выступление на вручении премии имени А. И. Солженицына 2007 года. URL: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/430463/430464?SSL=1 (дата обращения: 31.01.2018).

Март Н. Я. Язык // Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания. М.: Аса-
demia, 2001. С. 177–187.

Ольдерогге Д. А. Язык как исторический источник // Эпиграфия. М.: Наука, 1983. С. 191–220.

Россия и Африка. Документы и материалы. XVIII в. — 1960 г. М.: Институт всеобщей истории
РАН, 1999. Т. 1. XVIII в. — 1917 г. 290 с.

AFRICAN STUDIES AND THE MODERN WORLD, OR AFRICAN STUDIES NOT JUST ABOUT AFRICA

ABSTRACT. The article deals with the problem of “objective verity” in humanities and the role of African Studies in understanding immediate problems of Russia and the modern world. The article makes an attempt to explain the complexity of formulating “humanitarian verities” and deals with the specifics of African studies in Russia. The article also shows the importance of African studies for modern Russia and applies African data for analyzing some current problems in Russia and other regions. Among the important ideas and notions offered by Africanists are “stadial heterogeneity”, multidimensional analysis of social phenomena, the dichotomy of “cultural” and “social”. From this standpoint, we analyze some problems of political organization in Africa, Russia and Europe are analyzed, offer some recommendations for solving the problems of cultural identification in social environment and a critical review of some modern humanitarian “constructs” are critically reviewed. All these phenomena are analyzed in the context of serious globalizing process, first of all, crucial changes in the speed of information flows. The author also puts forward the idea of inefficient military and political control, compared to the so called “altruistic” cooperation (with special reference to Soviet policy in Africa and Eastern Europe). The article also shows some contradictions between important concepts of modern political discourse.

KEYWORDS: objective verity, humanities, African Studies, modern world

ALEXANDER YU. ZHELTOV — Doctor of Philology, Peter the Great Museum of Anthropology and
Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences; Saint Petersburg State University (Russia,
Saint Petersburg)

E-mail: ajujeltov@mail.ru